

И памятью той, вероятно,
Душа моя будет больна,
Покамест бедой невозвратной
Не станет для мира война.

А. Твардовский

От составителя

На русской земле немало мест, политых кровью ее защитников. Еще напоминают о войне полузаросшие траншеи, бомбовые воронки, превратившиеся в круглые озерца, на дне которых лежат останки павших бойцов. Мы скорбим о всех погибших в боях, что шли здесь более семидесяти лет назад, и чтим их память.

Однако небольшой деревне под Новгородом, с царских времен носившей название Мясной Бор (здесь разводили скот для пропитания войск), была уготована особенно злая судьба.

24 января 1942 года войска 2-й ударной армии (УА) прорвали у деревни Мясной Бор немецкую оборону и устремились к блокированному Ленинграду. Они продвинулись на семьдесят пять километров к западу, достигнув железнодорожной станции Роговка, и на сорок к северу, не дойдя шести километров до Любани. Приказ наступать все дальше и дальше, невзирая на фланги, привел к образованию «любанской бутылки» — территории площадью три тысячи квадратных километров с узкой горловиной в месте прорыва.

Этот четырехкилометровый коридор от деревни Мясной Бор до деревни Кречно — единственный путь, обеспечивавший снабжение наступавших частей, — превратился в огнедышащий клапан, который немцы упорно пытались захлопнуть, а силы 52-й и 59-й армий — раскрыть. Русские недаром называли его Долиной смерти, а немцы поставили указатель с надписью: «Hier beginnt der Ars ch der Welt» («Здесь начинается ад»). Военные действия пришлось вести в мерзлых снегах, буреломных лесах и непроходимых болотах, эти условия были настолько тяжелы, что свои фотографии тех дней бывший писарь 291-й пехотной немецкой дивизии Георг Гундлах назвал документами ужасов.

Не нам, столько вынесшим от гитлеровского нашествия, жалеть оккупантов. Но и к своим людям, отчаянно сражавшимся в приволжских болотах, замерзавшим и голодавшим, брошенным ранеными и убитыми, мы оказались на редкость безжалостны. Ведь четыре десятилетия после войны бойцы и командиры первого формирования 2-й ударной не хотели признаваться, где они воевали, боясь услышать непереносимо обидное: «А, в той самой, власовской...»

Генерал Красной армии А. А. Власов исполнял обязанности командарма с 23 апреля по 25 июня 1942 года. 12 июля он добровольно сдался в плен и перешел на сторону врага. Но неудача Любанской операции — третьей попытки прорыва блокады Ленинграда — не относится к числу его прегрешений.

В конце апреля судьба голодной, увязшей в болотах, полуокруженной противником армии была печально предрешена. Спасать измотанные войска следовало раньше, в конце февраля — начале марта, когда из-за людских потерь, недостатка боеприпасов и провианта армия уже потеряла способность к дальнейшему наступлению. Тогда еще можно было спасти войска и технику, отведя их по зимней дороге к Мясному Бору.

В том, что этого не произошло, резонно винить командование Волховского фронта, представителей Ставки Верховного Главнокомандования К. Е. Ворошилова и Л. З. Мехлиса и, конечно, первого военного стратега И. В. Сталина.

После войны все мы будем изучать знаменитые десять сталинских ударов. Любанская операция не войдет в их число. Ее спишут на Власова в конце 42-го, когда станет известно об измене генерала. Вот что писала от имени Главного политического управления Красной армии газета «За Победу!» 6 июля 1943 года: «...Гитлеровский шпион Власов завел по заданию немцев части нашей Второй ударной армии в немецкое окружение, погубил многих советских людей, а сам перебежал к своим хозяевам — немцам».

И спустя сорок лет после гибели армии нас убеждали: «Бездействие и измена Родине и воинскому долгу бывшего командующего генерал-лейтенанта А. А. Власова являются одной из самых важных причин того, что армия оказалась в окружении и понесла огромные потери»^{*}.

Не будь Власова, этой подходящей мишени для оправдания просчетов высшего командования, Любанскую операцию, скорее всего, просто замолчали бы, уделив ей строчку в энциклопедии Великой Отечественной войны, как это сделали с Синявинской, Усть-Тосненской, Красноборской — со всеми наступательными операциями, не увенчавшимися успехом.

Однако подобное отражение событий не только безнравственно по отношению ко всем павшим и пленным в этих сражениях, оно еще и недальновидно: не изучив ошибок прошлого, мы повторяем их в настоящем. Ведь Великая Отечественная, увы, не оказалась для нашей страны последней войной...

Как же все происходило в действительности?

8 сентября 1941 года немцы взяли Шлиссельбург, замкнув кольцо блокады вокруг Ленинграда. 54-я армия Ленинградского фронта оказалась отрезанной от остальных сил фронта. Соединиться им ни в сентябре, ни в ноябре не удалось.

9 декабря наши войска освободили Тихвин. Наметилась стабилизация на всем советско-германском фронте. 17 декабря Ставка Верховного Главнокомандования объявила о создании Волховского фронта. В него вошли действующие 4-я и 52-я армии, формируемые в Вологде

---

^{*} На Волховском фронте 1941–1944 гг. М., 1982. С. 38.

59-я и резервная 26-я, вскоре переименованная во 2-ю ударную. Перед фронтом была поставлена задача разгромить противника на Волхове и, наступая в северо-западном направлении, через Лугу—Волосово войти в Прибалтику, пересечь довоенную границу с Германией и воевать на чужой территории.

Однако к концу февраля наступление на запад остановилось: недостаточное снабжение войск 2-й Ударной армии, оторвавшихся от своих тылов, узкий коридор прорыва у Мясного Бора сделали дальнейшее продвижение советских войск невозможным. Достигнув Витебской железной дороги в районе станции Рогавка, части встали перед деревней Каменка.

Ставка была вынуждена ограничиться более скромной задачей: совместно с 54-й армией Ленфронта наступать на Любань в целях уничтожения Любанско-Чудовской группировки противника.

Для 54-й армии под командованием И. И. Федюнского это означало кардинальное изменение ее действий. Всю осень, находясь за внешним кольцом блокады, она вела бои в западном направлении, стремясь соединиться с частями, сражавшимися на Невском пяточке. Теперь 54-й предписывалось наступать на юг, в район Тосно—Любани, что означало смертный приговор защитникам левобережного плацдарма.

В то же время Ленинградский штаб отказался передать 54-ю армию новому фронту, что затрудняло координацию совместных действий этой армии с волховчанами.

Ветераны 54-й хорошо помнят жестокие бои за Погостье, разъезд Жарок на железнодорожной дороге Мга—Кириши, где косили их с насыпи немецкие пулеметы и вражеская авиация.

Продвинуться дальше, к Тосно и Любани, части 54-й армии, не получавшие из блокированного Ленинграда достаточного количества боеприпасов и техники, не смогли.

4-я и 52-я армии гнали врага от Тихвина все дальше на запад. Но истощенные трехмесячными боями, лишенные поддержки авиации, испытывая постоянный недостаток в боеприпасах, они не смогли окружить и уничтожить противника. Немцы заняли свои исходные, подготовленные еще в октябре оборонительные позиции на западном берегу Волхова, и нашим войскам не удавалось их преодолеть. Три небольших плацдарма, захваченных севернее деревни Грузино и в устье реки Тигода, находились на открытой местности, что затрудняло наступление.

Эшелоны с подразделениями 2-й ударной и 59-й армий начали прибывать в район Малой Вишеры только в конце декабря. Тылы и артиллерия отстали, но Ставка неумолимо требовала ускорить наступление. На фронт прибыл корпусный комиссар Л. З. Мехлис для контроля за ходом подготовки к наступлению. Он вручил командующему фронтом генералу армии К. А. Мерецкову письмо И. В. Сталина следующего содержания:

«Уважаемый Кирилл Афанасьевич!

Дело, которое поручено Вам, является историческим делом. Освобождение Ленинграда, сами понимаете, — великое дело.

Я бы хотел, чтобы предстоящее наступление Волховского фронта не разменялось на мелкие стычки^{*}, а вылилось бы в единый мощный удар по врагу. Я не сомневаюсь, что Вы постараетесь превратить это наступление именно в единый и общий удар по врагу, опрокидывающий все расчеты немецких захватчиков. Жму руку и желаю Вам успеха.

29.12.41.

И. Сталин»

Но сил для единого и общего удара у нового фронта не было. Оборонные заводы, эвакуированные на Урал, еще не начали поставлять вооружение, а имеющееся расплылось по всем фронтам.

5 января 1942 года состоялось заседание Ставки, которое приняло решение о всеобщем наступлении от Баренцева до Черного моря. Против этого плана высказались Г. К. Жуков и Н. А. Вознесенский. Но их доводы о том, что армия еще не располагает достаточными материальными ресурсами для столь масштабных действий, не были приняты во внимание.

После заседания Б. М. Шапошников сказал Жукову: «Вы зря спорили: этот вопрос был заранее решен Верховным»^{**}. Обсуждение плана всеобщего наступления не состоялось. Его заменило единоличное мнение Сталина.

В книге немецкого полковника Х. Польмана «Волхов», изданной в ФРГ в 1962 году, так оценивается это решение: «То, что немецкий фронт на Волхове привлек к себе очень значительные силы, безусловно, существенно облегчило положение ведущей тяжелые бои и неоднократно прорванной обороны немецкой центральной группировки войск. Те силы, которые советское командование ввело в использование при своем наступлении на Волхове, могли бы оказать значительное влияние на исход операции немецкой группы армий „Центр“. Сталин совершил ту же ошибку, что и Гитлер, — он хотел наступать везде и поэтому не добился решающей победы нигде».

7 января войска Волховского фронта, не закончив сосредоточения, не имея надежных средств связи и защиты от вражеской авиации, располагая лишь четвертью необходимых боеприпасов, перешли в наступление и попытались силами 2-й ударной армии командарма генерал-лейтенанта Г. Г. Соколова и 52-й армии генерала Б. Ф. Яковлева прорвать оборону противника на Волхове.

«Артподготовка была явно недостаточной, — рассказывал бывший командир взвода управления 327-й стрелковой дивизии П. П. Дмитриев. — На каждую гаубицу у нас было всего по 20 снарядов. Расстреляв их, мы оказались безоружными и не смогли подавить огневые точки врага.

---

* Выделено И. В. Сталиным. — *Сост.*

** Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1960. 253 с.

Пехота, беззащитная перед ураганным огнем немецкой артиллерии, бьющим с высокого западного берега, полегла на волховском льду густыми черными точками: маскхалатов стрелкам не полагалось...»

Наступление 7 января не принесло успеха. Войска были отведены на исходные рубежи. «...Чтобы подготовить наступление по-настоящему, требовалось по меньшей мере еще 15–20 суток, — напишет потом К. А. Мерецков. — Но о таких сроках не могло быть и речи»*. И. В. Сталин разрешил перенести наступление войск фронта на 13 января. Генерал Г. Г. Соколов от командования армией был отстранен. Его место занял генерал-лейтенант Н. К. Клыков.

На рассвете 13 января 2-я ударная двинулась вперед. «До переднего края противника было около 800–1000 метров, — вспоминал командир 327-й дивизии генерал-майор И. М. Антюфеев. — Глубокий снег, особенно в долине реки, мороз до тридцати градусов, сильный пулеметный и минометный огонь противника, а у нас ни лыж, ни маскировочных халатов... Пространство до рубежа атаки бойцы вынуждены были преодолевать ползком, зарываясь в снег. Лишь около 14 часов роты первого эшелона вышли на рубеж атаки. Люди были настолько измотаны, что, казалось, не в состоянии сделать и шагу. Я вынужден был ввести в бой второй эшелон дивизии. И только вместе с ним поднялись в атаку подразделения первого эшелона. Оборона противника на участке Бор—Костылево была прорвана. Гитлеровцев отбросили на рубеж реки Полесье»**.

Однако бои по прорыву второго рубежа немецкой обороны, проходившего по шоссе и железнодорожной линии Чудово — Новгород, шли еще долго. Только 24 января 366-я дивизия полковника С. И. Буланова овладела Мясным Бором. В прорыв был введен 13-й кавалерийский корпус генерала Н. И. Гусева. Смело и отважно дрались конники. Но сама идея введения кавалерии в леса и болота была явно ошибочной. Снег доходил лошадям до брюха, и кавалеристам пришлось воевать в спешенном строю.

«Не выходит из головы, — размышлял старый солдат Иван Ильич Калябин, — на что рассчитывало командование, загоняя коней в непроходимый лес, где ни дорог, ни тропинок? По-солдатски, по-стариковски, я бы назвал это головотяпством. Ведь, если взглянуть на топографическую карту Новгородской области, сразу станет ясно, что эти места за Волховом — настоящий край Мазая — топи да болота...»

В директиве № 0021 командующего фронтом говорилось: «Не позднее 27 января перехватить шоссе и железную дорогу Чудово — Ленинград и овладеть Любанью. С организацией обороны не связываться...»***

«Вперед, только вперед!» — гласил приказ, и части 2-й ударной выполняли его самоотверженно.

---

* Мерецков К. А. На службе народу. М., 1983. С. 272.

** 2-я ударная в битве за Ленинград. Л., 1983. С. 31.

*** ЦАМО. Ф. 204. Оп. 97. Д. 8.

Бездорожье, гиблые болота,
И кругом лесная глухомань...
Чтобы снять блокаду Ленинграда,
Прем по бурелому на Любань, —

говорили солдаты и тащили волоком пушки, понукали лошадей, углубляясь все дальше и дальше в леса и незамерзающие болота...

На флангах прорыва также шли кровопролитные, безуспешные бои. На правом фланге 59-я армия в составе шести сильно поредевших сибирских дивизий не смогла ликвидировать вражескую оборону шириной десять километров на участке Трегубово—Спасская Полисть и соединиться с 4-й армией. Потери в живой силе составляли две трети личного состава. Если на 1 января 1942 года каждая из этих дивизий насчитывала в среднем десять тысяч штыков, то на 1 февраля — немногим более трех тысяч и в дальнейшем пополнялась только до этого предела*.

Такое же положение сложилось и на левом фланге, где 52-я армия после множества безуспешных атак на деревни Копцы и Любцы перешла к обороне, прикрывая горловину прорыва от ударов врага со стороны Новгорода. Потери Волховского фронта за январь составили 73 028 человек**.

«Как ни странно это звучит, — пишет полковник вермахта Х. Польман, — но исход боя решался не в глубине территории у острия наступательных клиньев противника, врезавшихся далеко в леса тыла, какими бы угрожающими эти клинья ни казались на карте, а на месте прорыва Волхова и у шоссе Новгород—Чудово, то есть у населенных пунктов Мясной Бор, Мостки и Спасская Полисть. Это ясно создало командование группы армий „Север“, которое в соответствии с этим планировало свои контрмероприятия. Это поняли также солдаты, унтер-офицеры и офицеры, которые с особой стойкостью и упорством сражались здесь за каждый квадратный метр земли.

Советское командование, несмотря на все усилия, явно недостаточно серьезно отнеслось здесь к немецкому сопротивлению и положило на эффективность своего удара в глубину, вместо того чтобы сначала наступать по обеим сторонам шоссе на север и на юг»***.

Стоит сказать об одном частном обстоятельстве, объясняющем стремление командующего фронтом ускорить продвижение частей 2-й ударной на запад. Арестованный по ложному обвинению в шпионаже на третий день от начала войны К. А. Мерецков прошел ад бериевских застенков и, выпущенный на свободу в октябре 41-го, ни мог не заботиться о собственной реабилитации. Победа под Тихвином положила ей начало. Но пережитое на Лубянке давало себя знать.

Бывший замначальника штаба 14-й воздушной армии В. Н. Никольский, работавший в то время в штабе Волховского фронта, расска-

* ЦАМО. Ф. 204. Оп. 93. Д. 22.

** ЦАМО. Ф. 204. Оп. 93. Д. 3.

*** Polman H. Wolchow. Badnauheim, 1962.

зывал, какие муки испытывал Кирилл Афанасьевич Мерецков, когда его вызывал по прямому проводу Сталин. Он резко бледнел и не сразу подходил к телефону. На все указания Верховного отвечал одно: «Будет выполнено!»

Возможность доложить Сталину об освобождении новых населенных пунктов имела для командующего фронтом немаловажное значение.

По всей округности освобожденной территории — в Чаунях и Дубовике, Радофинникове и Еглине, Ольховке и Коровьем Ручье — пытались наступать части 2-й ударной. После ожесточенных боев 59-я бригада овладела Дубовиком, Большим и Малым Еглино; 87-я кавалерийская дивизия, 53-я и 57-я бригады втянулись в многодневные бои за деревню Ручьи в двадцати пяти километрах от Любани.

17 февраля на фронт прибыл маршал К. Е. Ворошилов. Он передал требование Ставки: к 1 марта во что бы то ни стало овладеть Любанью. Призывал, требовал, подгонял. Побывал во 2-й ударной и, как рассказывают очевидцы, ходил по траншеям не пригибаясь, чем вызывал немалую тревогу сопровождавших. Но почему-то не увидел главного: армия истощена, снабжение недостаточно и дальнейшее наступление имеющимися силами невозможно. Если бы все это было должным образом оценено, сотысячную армию удалось бы спасти, отведя по зимней дороге к Мясному Бору.

Результатом маршальской инспекции явилась директива Ставки от 28 февраля. В ней уточнялись задачи 2-й УА Волховского фронта и 54-й армии Ленинградского фронта. Обе армии должны были наступать навстречу друг другу и соединиться в Любани. С этого времени операция стала называться Любанской.

«Эта директива означала, по существу, отказ Ставки от своего первоначального замысла, — писал бывший командующий Ленинградским фронтом М. С. Хозин. — Поняв, что для его выполнения не хватает ни сил, ни средств, Ставка предложила последовательно разгромить вначале Любань-Чудовскую, а затем уже Мгинскую группировку. Будь такое решение принято вначале, то есть при организации операции, возможно, и исход ее был бы другим»*.

Но в конце февраля силы и средства обоих фронтов оказались уже израсходованными, и 54-я армия, едва достигнув Погостья, продвинулась лишь до деревни Смердыня.

Командование фронтом требовало скорейшего выхода частей 2-й ударной на железную дорогу Москва—Ленинград и овладения Любанью. В ответ на это командарм Н. К. Клыков докладывал: «В воздухе все время господствует авиация противника и парализует действия войск. Дорожная сеть в плохом состоянии... Подвоз фуража, продовольствия, горючего и боеприпасов далеко не обеспечивает существо-

---

* Хозин М. С. Об одной малоисследованной операции // Воен.-ист. журн. М., 1966. № 2.

ющих потребностей. Для развития успешного наступления армии надо три свежие дивизии, дивизион ракетных установок, не менее двух автобатальонов, не менее трех дорожно-строительных батальонов, не менее пятнадцати бензовозов, сено, пополнить конский состав и прикрыть армию с воздуха»*.

В состав 13-го кавалерийского корпуса была передана из 4-й армии 80-я кавалерийская дивизия полковника Л. А. Сланова, а из резерва фронта — пополненная 327-я стрелковая дивизия. Этим частям было приказано нанести удар в направлении Красной Горки и выйти к Любани.

Взятию этого небольшого хутора препятствовала сильно укрепленная насыпь железной дороги Чудово—Веймарн. Передовой отряд, состоявший из бойцов 80-й кавалерийской дивизии и 1100-го стрелкового полка 327-й дивизии, под командованием полковника Л. А. Сланова одолел ее, но основными силам этого сделать не удалось.

В немецкой хронике «Волховского сражения»** (так противник именовал Любанскую операцию) в записи за 27 февраля значится: «Группа фон Бассе соединилась с 254-й пехотной дивизией севернее железной дороги Чудово—Веймарн. Русские за железной дорогой отрезаны».

В ЦАМО хранятся ежедневные донесения Сланова о безвыходном положении отряда, оказавшегося в окружении без продовольствия и боеприпасов. Поскольку эти донесения однотипны, ясно, что ни помощи, ни разрешения на отход отряд не получил. Пытаясь спасти людей, командир в ночь с 8 на 9 марта с боем вывел отряд обратно. За самовольный отход полковник Л. А. Сланов был снят с должности.

В той же немецкой хронике за 8 марта сообщается о 1093 плененных и 1556 убитых русских под Красной Горкой.

Столь же неудачной оказалась и Померанская операция, порученная 191-й стрелковой дивизии в целях выхода на железную дорогу Москва—Ленинград в пяти километрах к юго-востоку от Любани. Известно, что командир дивизии полковник А. И. Старунин доказывал командующему группой генералу П. Ф. Привалову о невозможности проведения операции, имея в ротах по тридцать стрелков, запас продовольствия по пять сухарей на бойца, боеприпасов — по десять патронов на винтовку и по диску на пулеметы и автоматы***.

Под Помераньем 191-я стрелковая дивизия была окружена противником, управление потеряно. Только одному полку под командованием капитана Месняева и комендантской роты во главе с И. С. Осиповым удалось выйти к своим. О судьбе штаба дивизии было неизвестно до 2001 года, когда из книги Х. Стахова «Трагедия на Неве» мы узнали о пленении командования 191-й сд: полковника А. И. Старунина и начальника штаба Крупичева.

* ЦАМО. Ф. 204. Оп. 89. Д. 21.

** Журнал боевых действий 18-й немецкой армии: пер. с нем. // Ист.-арх. отдел ГШ ВС.

*** См. воспоминания И. С. Осипова.

В преддверии весны по решению Военного совета фронта* началось строительство узкоколейной железной дороги от Новой Керести к Мясному Бору для подвоза продовольствия и вывоза раненых. Строили ее армейские и фронтовые дорожники, привлекалось и местное население.

9 марта из Москвы в Малую Вишеру прилетели К. Е. Ворошилов, Г. М. Маленков, замнаркома обороны по авиации генерал-лейтенант А. А. Новиков для оказания помощи Волховскому фронту с воздуха и генерал-лейтенант А. А. Власов, назначенный заместителем командующего фронтом «для применения опыта подмосковной победы». Командуя 20-й армией, генерал Власов освобождал Солнечногорск, был награжден орденом Красного Знамени и заслужил особое расположение Сталина. Ставка рассчитывала с его помощью ускорить наступление на Любань.

Но 19 марта немцы ударами с севера и юга перекрыли горловину. Теперь связь окруженной 2-й ударной армии с базами снабжения осуществлялась только по воздуху. Но много ли могли перевезти двухместные фанерные «уточка» — учебные самолеты У-2, которыми в основном был оснащен Волховский фронт? Один-два мешка сухарей или мешок муки, который еще неизвестно куда упадет — в лесную чащобу или болотную трясиину. Да и вернется ли самолет на свой аэродром в Александровское? Сбивали «уточек» ежедневно: у немцев было достаточно «мессершмиттов» и зениток. У нас же на весь фронт имелось двадцать истребителей и практически отсутствовали средства противовоздушной обороны.

Начались жестокие бои по прорыву «коридора». «В течение 10 дней, — вспоминал бывший командир 376-й стрелковой дивизии генерал-лейтенант Г. П. Исаков, — дивизия отражала контратаки превосходящих сил противника. Борьба за горловину шла не на жизнь, а на смерть. Я тогда был молодым командиром <...> и, скажу откровенно, были такие критические минуты, когда, казалось, наступил предел — болота, вода, холод, непрерывные налеты пикирующих бомбардировщиков и шквалы пулеметного и артиллерийского огня по скучившейся, как на пяточке, ничем не прикрытой с воздуха группировке; всюду масса захороненных трупов, своих и противника, — все это ложилось на плечи тех, кто нес ответственность за выполнение задачи и стоял насмерть»**.

«27 марта русские прорвали отсечный фронт», — записано в немецкой хронике. Прорыв был достигнут ценой тысяч солдатских жизней — потери Волховского фронта за март составили 40 679 человек***, а вовсе не «благодаря решительному вмешательству Ставки Верховного Главнокомандования», как сказано о тех днях в «Истории Великой Отечественной войны». Прорыв стоил таких жертв, что узкую полосу истерзанного леса и болот к северу от Мясного Бора стали называть

* ЦАМО. Ф. 204. Оп. 93. Д. 22. Л. 10.

** Верховцева З. П. Солдаты Сибири. Кемерово, 1965.

*** ЦАМО. Ф. 204. Оп. 93. Д. 5.

«чертовым мостом». По этому насквозь простреливаемому «мосту» потянулись вереницы носильщиков, доставлявших на собственных спинах снаряды и сухари. И насмерть стояли на рубежах любанской бутылки солдаты, обороняя «край Мазая», где не было ни дорог, ни важных стратегических объектов.

По инициативе члена Военного совета 2-й Ударной Ивана Васильевича Зуева было начато строительство узкоколейной железной дороги от Финева Луга до Мясного Бора.

Если бы авторы «Истории Великой Отечественной» стремились к объективной оценке событий, им пришлось бы отказаться от восхваления Ставки за «решительные действия» и констатировать полное отсутствие оных. Ведь в сложившейся ситуации было только два выхода: введение свежих сил для наступления либо вывод войск из западни. Свежих сил не поступило, но прорыв на Любань не отменили.

20 марта генерал-лейтенант Власов вылетел во 2-ю ударную для организации наступления. На этот раз оно планировалось 3 апреля в тридцати километрах южнее Любани в направлении деревни Апраксин Бор. Несмотря на все усилия пехоты и артиллерии, взять деревню не удалось. Военный совет фронта прислал комиссию для выяснения причин неудачи. «Трое суток, — вспоминал начарт 2-й ударной полковник Г. Е. Дегтярев, — члены комиссии беседовали с командирами всех рангов, с политработниками, с бойцами. От меня потребовали письменное объяснение: почему артиллерия недостаточно надежно подавляла огневые средства противника. <...> Затем был зачитан акт комиссии, и к вечеру она выбыла из армии.

„Все!“ — мрачно сказал Клыков. <...> Предчувствие не обмануло его. Несколько дней спустя он был смещен с поста командующего 2-й ударной армией*.

16 апреля состоялся телефонный разговор К. А. Мерецкова с членами Военного совета 2-й УА И. В. Зуевым и А. А. Власовым. Шла речь о назначении нового командующего. Власов предложил на эту должность начальника штаба полковника П. С. Виноградова, но комфронт не согласился и приказал генералу Власову возглавить 2-ю ударную.

О первой встрече комсостава с Власовым рассказал бывший комиссар 59-й стрелковой бригады И. Х. Венец: «20 апреля нас собрали на командном пункте. Новый командующий — высокий, рыжеватый, вышколенный — произнес речь. Помню ее дословно. „Товарищи дорогие, — сказал Власов. — Условия у нас тяжелые: болота засасывают, питание плохое. Что-либо предпринять без директивы Ставки мы не можем. Призываю вас лишь заботиться о солдатах, как заботится товарищ Сталин. Когда после ранения под Москвой я лежал в кремлевской больнице, Иосиф Виссарионович нашел возможность меня навестить“. Хотя в дальнейшем, — заключил Иосиф Харитонович Венец, — особой

---

* Дегтярев Г. Е. Таран и шит. М., 1966. С. 138–144.

заботы командующего о людях мы не наблюдали, никаких подозрений он у нас не вызывал».

К. А. Мерецков вылетел в Москву и доложил Сталину: «2-я ударная совершенно выдохлась и в имеющемся составе не может ни наступать, ни обороняться. Ее коммуникации находятся под угрозой ударов немецких войск. Если ничего не предпринять, то катастрофа неминуема». В ответ на это Кириллу Афанасьевичу было сказано, что «за судьбу армии он может не беспокоиться»*.

Мерецков получил новое назначение, а Волховский фронт 23 апреля ликвидировали и ввели в состав Ленинградского фронта, которым командовал генерал-лейтенант М. С. Хозин. Уже сформированный 6-й гвардейский корпус был передан Северо-Западному фронту.

М. С. Хозин в своей статье «Об одной малоисследованной операции»** пишет: «21 апреля 1942 года меня пригласили в Ставку. Причиной вызова явилось то, что я неоднократно в разговорах по прямому проводу с ответственными лицами Ставки высказывал претензии по поводу того, что операция по снятию блокады с Ленинграда между Ленинградским и Волховским фронтами идет несогласованно... просил, чтобы Ставка более централизованно руководила Ленинградским и Волховским фронтами.

В итоге моего доклада в присутствии Б. М. Шапошникова, А. М. Василевского и некоторых членов ГКО И. В. Сталин предложил в целях лучшего взаимодействия войск объединить Ленинградский и Волховский фронты в единый фронт. Такое предложение явилось неожиданным. Но тогда ни я, ни кто другой не возразил. Да и вообще в то время при колоссальном авторитете, которым пользовался Сталин, вряд ли кто мог возразить».

Генерал Хозин вылетел в Малую Вишеру. «Изучив обстановку, Военный совет фронта доложил И. В. Сталину, что пока мы не освободили Спасскую Полисть, пока не будут восстановлены коммуникации 2-й УА, всякое развитие ее операции на Любань будет сдерживаться оглядкой на узкий проход между Спасской Полистью и Мясным Бором»***.

О каком развитии операции могла идти речь, когда в стрелковых полках насчитывалось по тридцать—сорок голодных, разутых, завшивленных бойцов, жующих осиновую кору?

Начавшая было действовать узкоколейка (в мае по ней вывезли пять тысяч раненых)**** оказалась полностью уничтожена немецкой авиацией, тысячи раненых остались невывезенными. (Согласно донесению начальника санитарного управления 2-й ударной К. К. Боборыкина — восемь тысяч человек на 20 июня.)

13 мая член Военного совета 2-й ударной армии И. В. Зуев вылетел в Малую Вишеру к генералу Хозину, доложил о безвыходном положении армии и вернулся с приказом об отводе войск к Мясному Бору.

* Мерецков К. А. На службе народу. М., 1983.

** Воен.-ист. журн. М., 1966. № 2.

*** Там же.

**** Докл. санотдела 5 июля 1942 г. ЦАМО. Ф. 204. Оп. 4108. Д. 7.

Одновременно Военный совет Ленинградского фронта, возглавляемый А. А. Ждановым, принял решение об эвакуации вместе с отходящей армией местного населения. Видимо, в Ленинграде не представляли, как выглядит коридор на Большую землю, по которому придется выбираться тысячам женщин, стариков и детей.

Евгения Владимировна Шабалова из деревни Язвинки, Лидия Борисова из Финева Луга и многие другие рассказывали, как они отказывались от эвакуации, прячась по огородам, но их находили райуполномоченные и принуждали покинуть свои дома, которые тут же поджигали, чтобы они не достались врагу.

К Мясному Бору вышли единицы. Остальные либо погибли от голода, обстрелов и бомбежек, либо попали в плен.

Массовый отход войск начался 24 мая. Части последовательно снимались со своих позиций и двигались к Новой Керести, далее к деревням Кречно и Мясному Бору. Начальник тыла 2-й УА полковник Кресик рассказал об этом так: «Личный состав был измотан, выталкивая на себе материальную часть из болот к узкоколейке и лежневой дороге. До этого в продолжении полутора месяцев армия находилась на голодном пайке. Никаких запасов боеприпасов и продовольствия в армии не имелось, так как подвоза не было из-за отсутствия горючего... На 30 мая на территории, занимаемой армией, находилось на платформах и в вагонах 1500 раненых, а 4500 человек гражданского населения в лесу в ожидании эвакуации»*.

30 мая немцы вновь перекрыли выход к Мясному Бору. «Закрит коридор „Эрика“, — записал в своем дневнике командующий сухопутными войсками вермахта Ф. Гальдер.

Новые тяжелейшие бои по прорыву горловины не увенчались успехом. 6 июня Ставка восстановила Волховский фронт и назначила К. А. Мерецкова командующим. Как потом признался Сталин, «мы допустили большую ошибку, объединив Волховский фронт с Ленинградским»**.

«7 июня решением ВС армии 80 % личного состава было поставлено в строй, включая артиллеристов и минометчиков. Однако успеха армия не имела из-за отсутствия боеприпасов и плохо организованного взаимодействия с частями, наступавшими с востока. Кроме патронов, 45-миллиметровых снарядов и 50-миллиметровых мин, ничего не было... Личный состав получал по 30–40 г сухарей в день, раненые — по 70–80 г на человека. Единственный продукт питания — конина. Однако из-за вражеской авиации нельзя было разводить костры, и конину ели в сыром виде, без соли. Истощение. Смертность в частях, особенно в госпиталях и среди гражданского населения... С занятием противником Новой Керести армия лишилась единственной площадки, где принимались доставленные самолетами продовольствие и боеприпа-

---

* Докл. полковника Кресика на Военном совете Волховского фронта 5 июля 1942 г. ЦАМО. Ф. 204. Оп. 4108. Д. 7.

** Воен.-ист. журн. М., 1965. № 9.

сы. 23 июня противник подошел к реке Глушица, 24-го занял Дровяное Поле, перерезав лежневку и узкоколейку, на которых были сосредоточены материальная часть и раненые...»

По-разному вели себя в окружении генералы.

Комдив 327-й дивизии, первой форсировавшей Волхов в январе, Иван Михайлович Антюфеев 18 июня в ответ на предложение командарма вылететь в тыл заявил: «Я привел сюда дивизию, с ней и останусь!»

Командир же 305-й сд Д. Барабанщиков покинул свою дивизию, прикрывавшую отход окруженцев, и 21 июня спокойно вылетел в тыл, оставив вверенную ему часть на произвол судьбы.

В итоге генерал-майору Антюфееву, разделившему участь своих солдат в плену, пришлось долгие месяцы доказывать свою невиновность, а Барабанщиков ходил незапятнанным «героем»...

Военный совет армии принял решение во что бы то ни стало прорвать вражеское кольцо и выйти из окружения: вооружившись, с наступлением темноты начать прорыв и закрепиться в горловине, чтобы дать возможность вывести части прикрытия.

В группу прорыва на участке 382, 305 и 19-й гвардейской стрелковых дивизий влился и Военный совет армии... Руководство частями прикрытия было возложено на заместителя командующего армией генерал-майора П. Ф. Алферьева, который 24 июня с 19.00 из отходящих частей 327-й, 267-й сд, 23-й осбр и частично 19-й гвардейской сд организовал оборону на восточном берегу реки Глушица, обеспечив действие остальных частей в восточном направлении. Имущество, техника, документы, вооружение 24 июня были уничтожены. 24 июня в 23.00 части 382-й сд начали наступление на восток севернее узкоколейной железной дороги. По ней двигались и другие подразделения под сильным минометным и ружейно-пулеметным огнем противника. Огневые точки противника не были подавлены. Наступающие части и командный состав армии несли значительные потери.

С 20 по 29 июня вышло из окружения ходячих раненых 3,5—4 тысячи. Из боевых частей вышло 2500 чел. Осталось приблизительно 32 тысячи. Всего на 20 июня 1942 года армия имела 40 тысяч человек.

Отошедшие части 52-й и 59-й армий после закрытия прохода составляли 12—15 тысяч человек, а всего на довольствии было 50—55 тысяч*.

В заключение полковник Кресик сказал: «Причинами гибели армии считаю: 1) отсутствие боеприпасов, голод, в силу чего армия, несмотря на исключительный героизм и самоотверженность всего личного состава, не смогла сдержать натиск превосходящих сил противника, дав ему возможность до предела сжать кольцо; 2) отсутствие помощи с востока; 3) для изучения причин гибели армии и установления виновных считаю необходимым назначить правительственную комиссию».

В ЦАМО сохранилось донесение командующего 2-й УА генерал-лейтенанта Власова в штаб Волховского фронта от 21 июня 1942 года.

* Докл. полковника Кресика на Военном совете Волховского фронта 5 июля 1942 г. ЦАМО. Ф. 204. Оп. 4108. Д. 7.

В нем говорится: «Войска армии три недели получают по 50 г сухарей. Последние три дня продовольствия совсем не было. Доедаем последних лошадей. Люди до крайности истощены, наблюдается групповая смертность от голода. Боеприпасов нет»^{*}.

У всех, кто видел вырвавшихся из Долины смерти, навсегда отпечатались в памяти опухшие лица дистрофиков с лихорадочно горящими глазами, едва поверивших, что ад остался позади.

Их встречали медики и интенданты, пытались лечить и кормить. Одни из-за слабости не могли есть, другие набрасывались на еду и умирали тут же, на благословенном Ленинградском шоссе, к которому они так стремились...

25 июня в девять тридцать утра немцы окончательно захлопнули горлышко. Десятки тысяч солдат и командиров, штаб 2-й УА остались на крошечном (два на два километра) пятачке у Новой Керести.

28 июня Гитлеру было доложено о победном завершении Волховского сражения. В донесении сообщалось о 32 759 наших солдатах, взятых в плен^{**}. Среди них оказались и тысячи раненых, и 793 медработника из 831 во главе с начсанармом военврачом 1-го ранга К. К. Боборыкиным, которые не бросили своих пациентов^{***}.

О судьбе штаба 2-й ударной долго не было сведений. Полковник Кресик доложил, что видел командующего 24 июня на КП 57-й бригады в километре южнее Дровяного Поля: в три часа ночи Власов отдал приказ выводить 1-й эшелон армии на участке 382-й дивизии для следования в прорыв. После закрытия горловины за командованием был послан партизанский отряд Косицына, но он не вышел обратно, как и танки 29-й бригады, также оставшиеся в Долине смерти.

Уникальным стал партизанский отряд, организованный командиром 830-го артполка подполковником Ф. И. Шаповаловым из окруженцев в июле 1942 года и успешно действовавший в тылу врага в течение двух лет. Однако, выйдя к своим в октябре 1943 года в районе Невского пятачка, отряд не получил признания, руководители его были репрессированы...

23 июля партизаны Лужского отряда обнаружили у болота Веретинский Мох начальника связи 2-й ударной армии генерал-майора А. В. Афанасьева с четырьмя бойцами. Генерал сообщил, что в ночь на 25 июня он находился в числе ста двадцати штабистов на КП 46-й дивизии. Семьдесят человек во главе с И. В. Зуевым скрывались на реке Полисть. Афанасьев с Власовым, Виноградовым, генерал-майором М. А. Белишевым пошли левее, чтобы перейти реку Кересть у отметки 31.8. Последний раз Афанасьев видел Власова 11 июля по дороге на Подберезье. С ним находились начштаба полковник П. С. Виноградов, два политрука, два красноармейца и повариха Мария Воронова. Эти шестеро и составили ту «армию», которую Власов якобы привел к немцам.

---

* Беличенко Д. По следам 2-й ударной // Красная звезда. 1996. 28 ноября.

** Журнал боевых действий 18-й немецкой армии.

*** ЦАМО. Ф. 204. Оп. 4108. Д. 7

Начальник особого отдела А. Г. Шашков, начальник политотдела Гарус и ряд других командиров и политработников, не желая сдаваться в плен, покончили с собой.

Остатки 2-й ударной, голодные, изможденные бойцы, группами и поодиночке, еще пытались пробиться к своим. В 20-х числах июля над болотом, где скрывались кучки окруженцев, пролетел самолет и сбросил листовки с фотографией пленного Власова. Подпись гласила: «Русские! Ваш командующий добровольно сдался в плен. Ваше положение безвыходно. Сдавайтесь!»

Только в 2003 году руководителю Лужского поискового отряда В. Шитцу и новгородскому журналисту А. И. Орлову удалось установить по показаниям свидетелей из деревни Туховежи, что генерал Власов добровольно сдался в плен немецкому патрулю 12 июля 1942 года.

И. И. Калабин, находившийся после выхода из окружения в госпитале в Боровичах, запомнил, как в конце июля 1942 года на политической информации им объявили, что командующий 2-й ударной генерал Власов сдался в плен вместе с армией. Ложь оказалась живучей, просуществовав четыре десятилетия после окончания войны.

А тогда, в июле—августе 1942 года, пленение командующего самым пагубным образом сказалось на окруженцах, которые еще долгое время выходили и выползали из адского котла. Но отношение к ним резко изменилось. На Большой земле их встречали уже не заботливые медики, а сотрудники СМЕРШа, лишали воинских званий как вышедших из окружения «при сомнительных обстоятельствах», нарекали «спецконтингентом» и отправляли под конвоем поездом № 353 в город Грязовец Вологодской области для распределения по лагерям НКВД. Так, 25 июля было отправлено 146 человек, 30 июля — 150, 1 августа — 133, 10 августа — 152, 14 августа — 155, 20 августа — 155, 24 августа — 155, 1 сентября — 160 и 7 сентября — 147. Всего 1353 окруженца*.

Выжил ли кто-нибудь из этих несчастных? Бог знает... Но и те, кому посчастливилось выйти из мясноторского ада, предпочитали молчать все последующие десятилетия о том, где воевали. Об истинных виновниках трагедии умалчивала и наша пропаганда. Лишь спустя полвека удалось рассказать правду о 2-й ударной и почтить память героев и мучеников оклеветанной армии.

Пусть простит, кто поймет
Тяжесть наших побед.
Зря пролитая кровь
Да не застит вам свет... —

написал архангельский журналист Алексей Сухановский. Присоединимся к этим словам и помянем всех 149 838 человек, погибших под Мясным Бором**.

* ЦАМО. Ф. 204. Оп. 4108. Д. 7.

** Гриф секретности снят: потери советских вооруженных сил в войнах и военных конфликтах. М., 1993.